

О. В. Мащитько

Дискурс мнения vs дискурс истины: языковая антиномия постсекулярной эпохи

Исследуется постсекулярная религиозность как новый тип дискурса, выявлены характерные для нее языковые антиномии. Отмечается, что религиозность постсекулярной эпохи характеризуется антиномическим взаимодействием двух противоречащих друг другу и в то же время неразрывно связанных феноменов – религиозного модернизма и религиозного фундаментализма. Каждый из них характеризуется как особый тип дискурса. Религиозный модернизм – как дискурс мнения, религиозный фундаментализм – как дискурс истины.

Религиозность постсекулярной эпохи (постсекулярная религиозность) характеризуется антиномическим взаимодействием религиозного модернизма и религиозного фундаментализма. Она функционирует по аналогии с современным постидеологическим, неявным типом идеологии и доминирует в обществе в плане распространения систем абсолютного значения, но не воспринимается как религиозная, оставаясь «невидимой». Она теряет метасодержание, функционируя как «безрелигиозная» религия и скрывающая религиозную сущность. Ее принудительность нельзя связать с конкретными агентами, поскольку это «вера без принадлежности». Постсекулярная религиозность предполагает пассивное включение субъекта в манипулируемую среду, ее субъекты не склонны вступать в конфликты во имя своих «идеальных референтов».

Религиоведческий и социологический анализ обнаруживают методологическую беспомощность при описании постсекулярной религиозности, ограничиваясь в большинстве своем отрицательными характеристиками: ослабление идеологического ядра вероучения (Р. Киприани), религия без сущности (С. Жижек), вера без принадлежности (Д. Эрвье-Леже), доктринальная размытость (Т. Лукман). Она труднодоступна для анализа в виде учения, системы идей, перечня положений или системы ценностей. Между тем данное явление связано с формированием принципиально нового типа дискурса и может оказаться более доступным для изучения с помощью языкового анализа.

Дискурс, специфичный для религиозности постсекулярной эпохи, можно обозначить как дискурс мнения. Конститутивным для него является ориентация на принцип толерантности в межрелигиозном диалоге, а также в диалоге между религией и секулярной культурой, предварительным условием чего является отказ от претензии на обладание абсолютной истиной. Своего рода побочным эффектом модернизации религии является религиозный фундаментализм. В лингвистическом плане

для него характэрна наяўнасць, а ў ўмовах процістаяння з рэлігійным модернізмам нават радыкалізацыя таго, што можна абазначыць як дыскурс ісціны. Спецыфічным для рэлігійнага фундаменталізма з'яўляецца моналагічнасць, прэтэнзія на монопалію ў абладанні ісцінай.

Цель артыкула – канкретызацыя спецыфікі праяўлення дыскурса мненія і дыскурса ісціны як феноменаў постсекулярнай культуры.

Дыскурс ісціны базіруецца на тлумачэнні ўлады як галоса, трактуемага як порожджэнне першасных сэнсаў, першаснага азначаючага [1], што з'яўляецца следствам прывядзення інстанцыі ўлады к абразу абсалютнага суб'екта, гаспадына, а ўласных працэдур – к забароне. Прымяненна да рэлігій дыскурс ісціны спецыфіцуецца ў саотвештвіі з трактовкай абсалютнага суб'екта (як першаснага азначаючага і забаронаю галоса) ў якасці Божэсвеннай інстанцыі. У гэтым сэнсе моналагічнасць з'яўляецца изначальнай чэртай тейсцічэскіх рэлігій пры выстраіванні адношэнняў з трансцэндэнтным. Палітычэскія ідэалогіі ў гэтым адношэнні лішч імітуюць рэлігійны дыскурс ў той меце, ў якой цэнтральны элемент ідэалогічэскага дыскурса прэтэндуе на сакральнасць.

Другой аспект дыскурса ісціны звязан з дзеленнем на ортодоксію і ерэс і прадполагае лішчэнне галоса, выходзяча за рамкі прававерія, вывядзенне яго за рамкі «сваго» ідэалогічэскага поля. Палемічнасць, і «неполіткаррэктнасць» ў цэлым характэрны для хрысціянства: «Слова “скандал” апостолы прылагаюць самі к сваёй проповеді: “мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн (σκανδαλον), а для Еллинов безумие” [1 Кор. 1:23]. В Евангелии от Матфея (Мф. 22:34) говорится, что Христос “привел саддукеев в молчание”. Буквальный смысл греческого слова, стоящего в оригинале – “надел намордник” (εφιοσεεν от φιοος – намордник)» [5, с. 62–67].

Постсекулярны прынцып, сагласна якому кожная рэлігія негласна (і іногды і гласна [9]) абязуецца весті дыялог з другімі рэлігіямі, оказываецца несавесцімым з дыскурсам ісціны. Так, напрыклад, праваславны фундаменталізм історычэскі канцэнтруецца іменна на захіце ортодоксіі (у адрозненне ад канфэсійна блізкіх пратэстантскага фундаменталізма, арыентаванага на барацьбу з ліберальнымі і секулярнымі трактовкамі Пісанія [11; 12], ці католічэскага, ў большай ступені сасредачэнага на сахраненні палітычэскага ўпліяння [4; 13]). Канцэнтруючыся на вопросе Ісціны, праваславны фундаменталізм оказываецца больш бескомпромиссным, адстаіваючы не абстрактныя рэлігійныя ценнасці, якія могуць быць і межканфэсійнымі, і секулярнымі, а канкрэтныя ў догматычэскай адрэделеннасці ісціны веры.

У гэтым сэнсе дыскурс ісціны падрывае праект постмодэрна, асновываючыся на прынцыпах плюралізма і толерантнасці. У культуры

ре постмодерна традиционной религиозности и фундаментализму отведено место одной из языковых игр, одного голоса в полифонии, одной из версий культурного самоопределения, которое имеет право на существование, однако при условии его несерьезного, ироничного восприятия. Примерно таким образом в западном кинематографе часто изображают секту амишей – они живут в своем мире, замкнутом социальном пространстве и имеют на это право до тех пор, пока не делают заявку на серьезное восприятие своего голоса. Субъектам религиозного фундаментализма в постсекулярном мире отведено место маргиналов, противостоящих «большому» миру. Постсекулярная эпоха предполагает отсутствие серьезного отношения к религии: «Характерной чертой духа времени, отличной от прошлого, является атмосфера Микки-Мауса. Серьезность – вот что отсутствует в духе времени. И это отсутствие серьезности вошло в привычку и в быт. Поэтому люди, прощаясь друг с другом, говорят: Take it easy – “Смотри на все легче”. Это означает: расслабься, относись ко всему легко. Важного ничего не происходит. Что бы ни случилось – не принимай близко к сердцу» [8]. Несерьезность постмодерна является вызовом для религии, порождая вопрос о принципиальной возможности несерьезной религиозности. Фундаментализм однозначно дает на этот вопрос отрицательный ответ.

В подобных условиях дискурс истины обесмысливается. Истина и ложь не опровергаются или защищаются, они «заговариваются». Претендующее на истину утверждение не сможет звучать достаточно веско в условиях, когда ему могут быть противопоставлены десятки противоположных утверждений. Тогда как любое ложное утверждение будет принимать вид мнения, имеющего право на существование в ряду других мнений. Всякое обращение к окончательной истине оценивается как «тоталитарное». Показательно, что в качестве условия демократии в постклассической политической теории называется отсутствие идеалов. Считается, что демократические процедуры возможны только относительно точек зрения, предполагающих множественность, т. е. если выражены на языке мнения, но невозможны в случае разговора на языке идеала или языке истины. Успехом демократии, следовательно, считается трансформация идеалов во мнения, т. е. отказ от истины. На ассимиляцию любого антагонистического содержания в позднекапиталистическом обществе обращает внимание Г. Маркузе, называя это «глобальной нейтрализацией»: «новый тоталитаризм утверждает себя именно в гармоническом плюрализме, где наиболее противоречивые произведения и истины мирно сосуществуют в безразличии» [7, с. 288].

В настоящее время эти принципы активно распространяются на религиозную сферу. Дискурс мнения связан акцентированием либеральных ценностей свободы религиозного самоопределения индивидуума. Эта тенденция конкретизируется, во-первых, в синкретизме, соедине-

нии в языке религии разнородных, зачастую несовместимых элементов при их абсолютной равноценности и взаимозаменяемости, невозможности языковой гегемонии; во-вторых, в отказе от традиционно присущей религии риторики истины, вплоть до полного отказа от понятия лжеучения и признания любого религиозного опыта в качестве пути к единой цели всех религий (до утверждения о том, что все существующие религии – лишь версии одной).

Эклектизм неявной религиозной идеологии отражает черты, присущие современному постмодернистскому сознанию, – равнодушие и всеядность. Полистилистичность постмодернистской культуры симметрична плюрализму ее религиозной составляющей. Эталоном культурного и идеологического эклектизма постсекулярной эпохи является New Age. В качестве идеологического феномена это движение выступает, с одной стороны, как наиболее распространенное проявление внеконфессиональной религиозности, а с другой – как культурная парадигма, ориентированная на утверждение сверхценности «дискретного множества» в культуре.

Другим ярким примером дискурса мнения является язык экуменической идеологии, в рамках которой происходит постепенный отказ от таких понятий, как «ересь», «иноверец», «еретик», а межконфессиональный диалог перемещается из догматической в этическую плоскость (следствием чего является замещение понятия истины понятием ценности). Политкорректной и толерантной точкой зрения на проблему истины в религии считается та, согласно которой ни одна религия не обладает ей в полной мере. Каждая конфессия в отдельности может претендовать только на относительную истинность, религии рассматриваются как равные в своем несовершенстве.

Дискурс мнения доминирует при освещении религиозной тематики в СМИ, преобладает в официальной риторике на религиозную тематику: «В наших с вами силах сделать так, чтобы в XXI веке условные религиозные границы, охватывающие огромные территории и затрагивающие миллионы человеческих судеб, были границами дружбы, а не противостояния... <...> Христианская страна и государства международной организации сотрудничества с ключевым словом “исламская” находятся в разных частях Земли, но имеют одинаковый взгляд на ценности, религиозную толерантность и многополярное устройство мира» [3].

Дискурс мнения является конститутивным для постсекулярной религиозности, тогда как дискурс истины считается несовместимым с демократическими ценностями и либеральной идеологией. Одновременно дискурс истины считается опасным и потенциально ведущим к конфликтам и насилию: «Хаос вторгается сегодня в святая святых – в область сакральных учений, которые до сих пор отождествлялись в нашем сознании с присутствием некой Истины с большой буквы. Факт множе-

ственности религий, конфессий, сакральных традиций включает в себе нечто травматическое» [2, с. 64]. Условием диалога в области религиозной идеологии является признание существования множества неполных версий истины. В результате «диалог религий трансформируется в религию диалога» [6, с. 65].

В совокупности эти факторы способствуют формированию эклектической и релятивистской религиозной идеологии. Традиционный религиозный опыт может не отбрасываться, но при условии признания его многообразия и субъективности. Фундаментализм традиционных религиозных ценностей пересматривается в сторону толерантности, аксиологического ядра постсекулярной религиозности. Риторика толерантности является определяющей для новостных ресурсов, касающихся религиозной тематики, преобладает в тематике и направлениях работы практически всех крупных международных конференций религиозоведческой и теологической направленности, официальных заявлениях и выступлениях представителей церковной иерархии. Обращает на себя внимание различие в отношении Другого. Если в рамках дискурса истины адекватной идеологической стратегией по отношению к Другому является лишение права голоса, то в дискурсе мнения его существование просто игнорируется. Как писал У. Эко, «медийный деспотизм <...> не затыкает рты противникам. Достаточно просто пустить их говорить первыми» [10, с. 408].

Таким образом, религия в постсекулярную эпоху характеризуется антиномическим взаимодействием двух типов дискурса – дискурса мнения и дискурса истины. Доминирующим является дискурс мнения, тогда как дискурс истины считается атрибутом религиозного фундаментализма. В рамках дискурса мнения истина и ложь принимают вид точек зрения, «сосуществующих в безразличии», имеющих право на существование в ряду других мнений, они не опровергаются или защищаются, а заговариваются. Если существуют только мнения, критика идеологии и тактика отстаивания идеологической позиции становятся бессмысленными: любая дискуссия изначально девальвирована тем фактом, что на статус мнения может претендовать любое высказывание. Поэтому в рамках религиозного модернизма происходит постепенный отказ от понятий лжеучения, ереси, иноверия. Аксиологическим ядром доминирующего постсекулярного дискурса становится толерантность, а любая позиция, претендующая на статус выше мнения, маргинализируется в качестве фундаменталистской.

1. Деррида, Ж. Конец книги и начало письма / Ж. Деррида // Интенциональность и интертекстуальность : философская мысль Франции XX века. – Томск : Водолей, 1998. – С. 210–225.

2. Дуплинская, Ю. М. От мифа к логосу и от логоса к мифу: Дискурс современности между мифом начала и мифом заката / Ю. М. Дуплинская. – Саратов : СГТУ, 2004. – 157 с.

3. Лукашенко, А. Г. Выступление на XIII саммите Организации исламского сотрудничества (14 апр. 2016 г.) [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vystuplenie-na-xiii-sammite-organizatsii-islamskogo-sotrudnichestva-13477/. – Дата доступа : 12.09.2016.
4. Кочесоков, Р. Х. Политическая корректность как средство формирования религиозной толерантности [Электронный ресурс] / Р. Х. Кочесоков. – Режим доступа : <http://www.tolerance.ru/vek-tol/3-Q-koshesokov.html>. – Дата доступа : 12.07.2006.
5. Кураев, А. В. Все ли равно как верить? : сб. ст. по сравнит. богословию / А. В. Кураев. – Клин : Изд-во Братства святителя Тихона, 1994. – 174 с.
6. Кураев, А. В. Вызов экуменизма / А. В. Кураев. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Грифон, 2008. – 479 с.
7. Маркузе, Г. Разум и революция / Г. Маркузе. – СПб. : Владимир Даль, 2000. – 541 с.
8. Роуз, С. Недочеловечество [Электронный ресурс] / С. Роуз // Антимодернизм. ru. – Режим доступа: <http://antimodern.ru/subhumanity/>. – Дата доступа : 16.07.2013.
9. Хабермас, Ю. Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Ю. Хабермас, Й. Ратцингер. – М. : Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2006. – 112 с.
10. Эко, У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / У. Эко. – М. : Эксмо, 2007. – 592 с.
11. Ammerman, N. Bible Believers: Fundamentalists in the Modern World / N. Ammerman. – New Brunswick : Rutgers University Press, 1987. – 243 p.
12. Boone, K. C. The Bible tells them so; The Discourse of Protestant Fundamentalism / K. C. Boone. – Albany : SUNY Press, 1989. – 152 p.
13. Juergensmeyer, M. The New Cold War? Religious Nationalism Confronts the Secular State / M. Juergensmeyer. – Berkeley : University of California Press, 2009. – 292 p.

V. Mashchitska

Discourse of view versus discourse of truth: language antinomy of postsecular era

Postsecular religiosity as a new type of discourse is investigated. Specific language antinomies for the postsecular era are revealed. It is noted that religiosity of the postsecular era is characterized by the interaction of two antinomic conflicting phenomena, at the same time being inextricably linked to each other – a religious modernism and a religious fundamentalism. Each of them is described as a special type of discourse: the religious modernism – as a discourse of view, the religious fundamentalism – as a discourse of truth. These types of discourse interaction are described by the author as an antinomy – they contradict each other and at the same time are inextricably linked.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 27.02.2017.